главнымъ мотивомъ которыхъ служитъ любовь къ отечеству и ненависть къ мусульманамъ владычествующимь надъ греками въ Турціи. Эти пѣсни носятъ и опредѣленную хронологію. Напр. №№ 12 и 3 относятся къ уничтоженію византійской имперіи и ко взятію Константинополя Турками въ 1453 году. Другая пѣсня (стр. 3) относится къ 1361 году, когда Адріанополь былъ взятъ Турками. Третья пѣсня (стр. 3—4) относится ко взятію Трапезунта въ 1461 г. Наконецъ, есть пѣсня объ арматолѣ Маламѣ, относящаяся къ 1585 году. Послѣ этихъ пѣсенъ слѣдуетъ очень много другихъ историческаго содержанія отъ 1672—1821 гг. У кого нѣтъ сборника Разѕоw и другихъ многочисленныхъ сборниковъ новогреческихъ народныхъ пѣсенъ, тотъ найдетъ въ настоящей книгѣ полезный и очень дешевый сборникъ главныхъ такихъ пѣсенъ.

А. И. Пападопуло-Керамевсъ.

СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ.

Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. Книга XIII. Софія, 1896. Тринадцатый томъ превосходнаго изданія болгарскаго министерства народнаго просв'єщенія отличается какъ и предшествующіе богатствомъ и разнообразіемъ содержанія.

Изъ работъ, которыя имъютъ ближайшее отношение къ Византійскому Временнику, прежде всего слъдуетъ указать на слъдующія.

В. Н. Златарски. Писмата на византийския императоръ Романа Лакапена до болгарския царъ Симеона. В. Н. Златарскій, въ предшествующихъ томахъ Сборника давшій переводъ писемъ къ царю болгарскому Симеону патріарха Николая Мистика, въ настоящемъ томѣ помѣстилъ въ болг. переводѣ письма императора Романа Лакапина къ тому же болгарскому государю. Письма эти были составлены главнымъ секретаремъ византійскаго двора Өеодоромъ Дафнопатомъ. Руководство болгарскими дѣлами перешло къ нему, по соображеніямъ Златарскаго, еще до смерти патріарха Николая Мистика († 15 мая 925 г.), потому что письмо, писанное Симеону во второй половинѣ 924 г., патріархъ называетъ послѣднимъ.

Письма эти не были предметомъ особаго изслѣдованія, исключая статью Дестуниса въ Ж. Мин. Народ. Просв., въ которой они пріурочиваются ко времени между 9 сент. 924 г. и 27 мая 927 г. Они были переведены на болг. яз. въ журналѣ Трудъ, но очень небрежно и не вполнѣ.

Г-нъ Златарскій вслѣдъ за тщательнымъ переводомъ, сопровождаемымъ по мѣстамъ примѣчаніями, даетъ подробный коментарій къ письмамъ.

Прежде всего онъ точно устанавливаетъ хронологію писемъ. Въ 1-мъ письмѣ Романъ упрекаетъ Симеона за то, что напрасно, разоривъ цѣлый западъ, онъ считаетъ себя вправѣ провозглашать себя царемъ Ромеевъ;

такъ какъ этого упрека нѣтъ еще въ послѣднемъ письмѣ Николая Мистика, то первое письмо Романа, бывши, какъ можно предполагать, отвѣтомъ на письмо Симеона къ Роману, въ которомъ Симеонъ извѣщалъ о принятіи имъ новаго титула, всего скорѣе слѣдуетъ относить къ началу 925 г. Второе письмо, какъ видно изъ указанія на предстоящее празднованіе Пасхи, писано было въ великій постъ, слѣдовательно въ мартѣ или апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года. Послѣднее въ 926 г.

Отношенія Византій къ Болгарій въ началь 925 г. существенно измънились. Романъ Лакапинъ положилъ конецъ придворнымъ интригамъ, при помощи патріарха Николая успёль возстановить церковный мирь, благодаря уступчивости къ соседямъ высоко поднялъ оборонительныя силы имперіи для защиты отъ внёшнихъ враговъ. Оттого въ первомъ письмё къ Симеону Романъ говоритъ безъ всякаго страха, смело и настойчиво. Прежде онъ просиль мира, а теперь выставляеть на видь болгарскому царю, что Византія не нуждается особенно въ мир'є; раньше онъ готовъ быль дать не только золото и драгоценныя одежды, но и часть территоріи, теперь онъ прямо заявляеть, что Симеону нечего и ждать земельной уступки. Романъ чувствовалъ себя въ силахъ оказать сопротивление Симеону темъ более, что решенія перваго Сплетскаго собора, установляя союзъ между Визавтіей и Хорватіей, обезпечивали имперію отъ нападеній Симеона. Опираясь на это, Романъ рѣшался вызвать Симеона на войну, чтобы навсегда избавить имперію отъ опаснаго врага и заставить его заключить миръ. Изъ второго письма видно, какъ отнесся къ такому обороту дела Симеонъ. Ожидая со стороны Симеона войны, Романъ сталъ укрѣплять приморскіе города, снабжать ихъ провіантомъ и войскомъ. Не зная навфрное, что означають эти приготовленія, т. е. ожидають ли Византійцы военныхь д'вйствій съ его стороны, или сами готовятся напасть на него, Симеонъ въ своемъ ответе еще боле настаиваль на миръ. Это его письмо произвело въ Царьградъ сильное впечатлъніе. Романъ отвъчаетъ на него уже инымъ мягкимъ и уступчивымъ тономъ. Онъ даетъ понять Симеону, что если онъ возвратитъ занятыя греческія земли, то въ Византіи готовы заключить миръ и пойти на уступки; что касается императорскаго титула, то, находя невозможнымъ двумъ лицамъ носить титуль императора Ромеевь, Романь выражаеть готовность признать за Симеономъ царскій титуль вообще, если только онъ откажется отъ притязанія на титуль царя Ромеевь. Въ заключеніе Романъ надбется, что въ случат заключенія мира пріязненныя отношенія прострутся и на ихъ потомство; если же такой исходъ не будетъ угоденъ Богу, то онъ полагается на помощь Божію. Такимъ образомъ Романъ, увѣренный въ безвыходнымъ положеніи Симеона, не подозрѣвалъ съ его стороны какой либо хитрости и думаль, что возстановление дружественныхъ отношеній упрочить миръ сь Болгаріей.

Иные были разсчеты Симеона. Изъ такихъ отношеній Византіп къ Болгаріи, которыя устраняли Грекамъ поводъ къ войнъ, Симеонъ хотълъ

извлечь выгоды: обезпеченный на юговостокъ, онъ спъшилъ дъйствовать на запад'в и тотчасъ же началь войну съ хорватами. Въ этой войн в пѣль Симеона была не расширить западныя границы болгарскаго царства, а лишь развязать себф руки для рфшительныхъ дфиствій противъ Византіи въ будущемъ. Неожиданное пораженіе войскъ Симеона хорватами въ союзѣ съ сербами поставило болгарскаго царя въ крайне затруднительное положение, еслибы ему не помогли новыя обстоятельства. Хорваты, одержавъ побъду надъ болгарскимъ войскомъ, не смотря на союзъ съ сербами, не могли разсчитывать, что гордый болгарскій царь оставить безъ отищенія нанесенное ему пораженіе. Можно было бы ожидать, что они обратятся за помощью къ Византіи, а между темъ въ это время происходить сближение ихъ съ Римомъ. Между болгарами и хорватами выступаеть въ качествъ посредника папа. Г-нъ Златарскій предполагаетъ въ этомъ случав иниціативу Рима. Римскій престолъ спвшилъ воспользоваться даннымъ моментомъ, чтобы закрѣпить за собой Хорватію и отторгнуть хорватского короля отъ Византіи, являясь какъбы защитникомъ хорватскихъ интересовъ. Папскіе послы отправились въ Болгарію, откуда вернулись, уладивъ дѣло между болгарами и хорватами. Г-нъ Златарскій предполагаеть, что Симеонь соглашался на миръ съ хорватами подъ условіемъ признанія за нимъ со стороны папы царскаго титула и автокефальности болгарской церкви. Въ Византіи радость, вызванная неудачами Симеона въ Хорватіи, смѣнилась серьезными опасеніями послѣ вмѣшательства въ дѣла болгарскія и хорватскія папскаго престола. Приготовленія Симеона на южной границѣ, усиленіе гарнизоновъ въ крѣпостяхъ и посылка отрядовъ на югъ, возстаніе славянъ македонскихъ (нападеніе ихъ на Солунь) внушали византійцамъ опасенія новой войны. Третье письмо Романа относится къ этому моменту. Императоръ по прежнему умоляетъ Симеона о миръ. Нанести Византіи послъдній ударъ помѣшала Симеону скоропостижная его кончина 27 мая 927 г. Не успѣлъ Симеонъ возложить на свою главу и обѣщанную папой царскую корону. Второй Сплетскій соборъ затянулся, а римскій престоль могь исполнить свои обязательства только по окончаніи этого собора. Произошло ли это послѣ при преемникѣ Симеона, о томъ нѣтъ извѣстій. Г-нъ Златарскій допускаеть возможность этого: условія, на которыхъ быль заключенъ миръ съ Византіей, признаніе царскаго титула за Петромъ и автокефальность болгарской церкви — то, что Симеонъ желаль получить отъ Рима — византійское правительство едва ли бы признало, еслибы болгарамъ не открывалась возможность получить то же отъ Рима. Замедленіе исполненія этихъ условій Римомъ быть можетъ и вызвало скоропостижную смерть престарылаго Симеона.

Вмѣстѣ съ переводомъ писемъ Николая Мистика переводъ настоящихъ писемъ, а также общирный коментарій къ тѣмъ и другимъ представляютъ лучшій обзоръ отношеній Византіи къ Болгаріи въ эпоху болгарскаго царя Симеона. Нельзя не пожалѣть, что до насъ не дошли

письма самого Симеона, о которыхъ мы можемъ судить лишь отчасти по письмамъ къ нему.

Новой болгарской исторіи посвящены въ XIII т. статьи:

Юрданъ Неновъ. Автобиография.

Е. Спространовъ. По възраждание то на градъ Охридъ.

Въ министерскомъ сборникъ почти постоянно помъщаются интересные матеріалы для исторіи болгарскаго возрожденія. Въ двухъ первыхъ книгахъ были напечатаны два письма Венелина къ Априлову и Отзывъ въ Болгаріи на письма Венелина (статья М. Балабанова). Начиная съ третьей книги, подъ рубрикой «Материяли за историята на българското възраждание», редакція сборника открыла особый отдёль для печатанія переписки важн віших в дінтелей зарождавшейся новой болгарской литературы между собой и съихъ современниками и учениками. Сожалъя, что многіе выдающіеся изъ старъйшихъ дъятелей возрожденія не оставили послъ себя почти ничего, редакція сборника призывала собирать по крайней мъръ все то, что упъльло отъ забвенія. «Если у насъ нътъ дневниковъ и мемуаровъ—говорится во вступительной стать въ III том в—то существуеть переписка многихъ нашихъ деятелей, заключающая важныя свъдънія. Съ ея обнародованіемъ навърноя прольется свътъ на жизнь и дъятельность многихъ лицъ, которыя остаются для насъ еще въ полумракъ какъ бы въ туманъ; объяснятся и многія явленія въ нашей жизни, причины которыхъ намъ остаются и понын' темны и непонятны. Читатели убъдятся въ этомъ, когда прочтутъ интересную корреспонденцію Неофита Рыльскаго, печатаніемъ которой мы открываемъ отдёлъ и за уступку которой сердечно благодаримъ братію Рыльскаго монастыря. Пусть и другія общества и лица, которыя обладають документами народныхъ тружениковъ, особенно отвътами Неофита на печатаемыя здъсь письма, съ готовностію отзовутся на нашъ призывъ, и мы увърены, что въ короткое время наберется столько матеріала, что можно будетъ съ успъхомъ приступить къ разработкъ новой политической и литературной исторіи. Новые документы прежде всего дадуть возможность написать монографія о всёхъ важныхъ лицахъ и явленіяхъ, характеризующихъ эпоху нашего духовнаго и политическаго возрожденія. А это очень важно. Когда въ достаточномъ количествъ наберется подобныхъ монографій, легко будеть ихъ систематизировать и соединить въ одно цёлое. Всякій болье или менье даровитый компиляторь будеть въ состояніи написать исторію нашей литературы, когда о каждомъ отдёльномъ лицё и о каждой болье или менье важной литературной эпохь сущуствують особыя изследованія, основывающіяся на значительномъ числе верныхъ и критически разсмотренныхъ и обследованныхъ матеріаловъ. Нынё это трудно, потому что неть монографій, а ихъ неть, потому что неть матеріаловь, безъ которыхъ можно писать только фразы и общія места, какъ это мы и видимъ въ большинствъ нашихъ самостоятельныхъ литературно-историческихъ опытовъ, но несерьезную исторію». III т. стр. 397.

Съ этого времени вилоть до самаго XIII т. помѣщались письма къ Неофиту, его собственныя письма, письма къ Цвътку Самарджіеву и др., въ которыхъ действительно заключается обильный матеріалъ для характеристики эпохи, ожидающій изследователя. На ряду съ письмами стали появляться и отдёльныя монографіи, каковы напр. Докторъ Христо Даскаловъ Шишкова, VIII т., Воспоминанія объ уніи 18 дек. 1860 г. Черновъжда, Пърличевъ. Автобиография, Константинъ Г. Фотиновъ, его жизнь и дъятельность Шишманова — богатая матеріаломъ и обстоятельная оденка отда болгарской журналистики, Отецъ Неофитъ Хиландарецъ или Бозвели П. Славейкова, последняя статья известнаго болгарскаго поэта и писателя, после которой онъ заболель и более уже не оправился. Къ этого рода матеріаламъ относятся упомянутыя выше статьи въ XIII т. сборника. Ю. Неновъ извъстенъ въ болгарской дитературъ какъ составитель и переводчикъ нъсколькихъ книжекъ, писанныхъ довольно чистымъ болгарскимъ яз.: Черноносяща Госпожа (Цариградъ 1857 г.), Катихизисъ, который почти совсемъ не сохранился, и самъ издатель не могъ найти ни одного экземпляра (XIII 371), село Златарица (Вѣна 1870 г.) и авторъ интересной брошюры: «За възражданьето на българщината въ Т. Пазарджикъ» (София 1890). Онъ былъ родомъ изъ Еленской околіи Велико-Тырновскаго округа и провелъ всю свою жизнь въ дъятельности учителя въ разныхъ мъстахъ Болгаріи: въ Буйновцахъ, Елень. Татаръ Пазарджикь, Панагюрищь и Сопоть, Чирпань, Хасковь въ тоже время отстаивая народное дело. Его учениками были пользующіяся изв'єстностію въ наук'в и литератур'в лица, Нешо Бончовъ (теперь покойный), М. С. Дриновъ, К. Величковъ, Ив. Вазовъ и др., и всѣ они свидътельствують, что онъ умълъ привлечь къ себъ ихъ сердца и направить ихъ усилія или на самообразованіе, или на продолженіе образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Настоящая автобіографія является дополненіемъ къ разсказу о возрожденіи болгарской народности въ Татаръ Пазарджикъ. Неновъ росъ у родителей, которые научили его слав. грамотъ, затъмъ онъ учился въ школъ у учителя, который былъ ученикомъ извъстнаго Христаки Павловича въ Свищовъ, благодаря чему Елена сдълалась разсадникомъ просвъщенія. Неновъ зналъ грамматику Мразовича, ариометику Христаки, пасхальную таблицу, понималъ по славянски, переводилъ на болгар. яз. и былъ искуснымъ чтедомъ въ церкви. Вскор в онъ и самъ на 14 г. по вол в отда нанялся учителемъ въ Буйновцы.

Изъ предковъ Ненова, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своей автобіографіи, пользовался извъстностію еще его прадъдъ попъ Ненчо. Ненчо былъ родомъ изъ села Тичи Котленской околіи, читать научился у одного священника, а 15 л. жажда къ ученію привела его въ монастырь св. Пророка Ильи между Еленой и Тырновомъ. Здъсь онъ научился церковнымъ порядкамъ, пънью по обиходу (псалтикія, т. е. нотная книга), понималъ священное писаніе и могъ его объяснять и переводить на новоболг. яз. Еленскіе граждане, посъщавшіе монастырь, выпросили кроткаго харак-

теромъ и скромнаго юпощу себѣ въ учителя. Такимъ образомъ съ 1740 г. Ненчо сталъ первымъ учителемъ въ Еленѣ. Позднѣе онъ сталъ здѣсь священникомъ.

Въ еленскихъ колибахъ до 1836 г. не было церкви помимо города Елены. Жители болѣе отдаленныхъ изъ нихъ, не имѣя возможности ходить въ Елену, съ давнихъ поръ имѣли урочища, на которыя собирались по праздникамъ. Это происходило такъ: въ такое мѣсто приходилъ приходскій священникъ изъ Елены, освящалъ воду, кропилъ всѣхъ присутствовавшихъ и говорилъ какое нибудь поученіе изъ дамаскина 1). Получивъ шкуру съ заколотой овцы, барана или коровы, смотря по числу собравшихся, и часть мяса, священникъ уходилъ назадъ, а собравшіеся разсаживались угощаться. Молодые шли въ хороводъ, старшіе стрѣляли изъ ружей, въ цѣль или на призъ.

Попъ Ненчо въ такіе праздники всегда говорилъ поученія, пользуясь выше упомянутымъ собраніемъ. Другіе священники, не умѣя переводить съ слав. языка, обращались за помощью къ попу Ненчу, или же просто списывали готовый переводъ.

Попъ Ненчо, въ молодые годы и самъ стрѣлявшій изъ ружья, совѣтовалъ юношамъ учиться стрѣльоѣ, напоминая, что быть можетъ настанетъ день, когда это умѣнье владѣть ружьемъ пригодится. Въ это время свирѣпствовали кырджаліи, причинявшіе много зла духовенству. Оттого священники носили одежду мірянъ, брили волосы на головѣ, оставляя только чубъ, а по бородѣ ихъ отличить было нельзя, потому что и міряне носили бороду. Только свѣшивавшійся изъ за пояса платокъ отличалъ священника, что впрочемъ знали только христіане. Кырджаліи сожгли и Еленскую церковь, въ которой было много рукописей, даже и пергаментныхъ. Ненчо скончался въ 1815 г. въ глубокой старости, оставивъ самыя лучшія воспоминанія въ населеніи города и колибъ.

Чрезвычайно интересенъ разсказъ одного изъ еленскихъ чорбаджій, что кромѣ попа Ненча и его учениковъ никто не умѣлъ пѣть херувимскую пѣснь и, если случайно его не было въ церкви, литургія прекращалась, пока онъ не приходилъ.

Недолго пробывъ учителемъ въ Буйновцахъ, Неновъ былъ приглашенъ въ Елену однимъ изъ монаховъ хиландарскаго монастыря Іоси-

¹⁾ Слова Дамаскина Студита въ переводѣ на слав. яз. дали имя весьма распространеннымъ въ болг. литературѣ сборникамъ, на ряду съ поученіями Дамаскина заключающимъ и др. статьи, но извѣстнымъ подъ именемъ дамаскинъ, которое стало такимъ образомъ нарицательнымъ. Воспоминанія Ненова даютъ намъ интересное указаніе, какъ эти сборники, первоначально переведенные на литературный языкъ своего времени болгарско-слав. или сербско-слав. (рукописи, извѣстныя намъ, дошли въ серб. правописаніи, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть и средне-болгар. особенности, хотя списка средне-болгар. пока намъ найти еще не удалось) распространялись въ ново-болг. переводѣ. Мы имѣемъ въ виду съ очевидными болгаризмами два списка: одинъ, принадлежащій Нѣжинскому преподавателю Михайловскому и другой Бѣлградской библіотекѣ.

фомъ Хиландарцемъ, который въ молодые годы былъ архидіакономъ при Кюстендильскомъ митрополитѣ и находился при немъ и въ Царьградѣ, когда онъ былъ выбранъ вселенскимъ патріархомъ. Неновъ учился въ Еленѣ греч. яз. у новаго учителя, научившагося по гречески въ Смирнѣ, у него же онъ видѣлъ въ первый разъ греческую географическую карту 1).

Въ 3—4 года онъ прочель здѣсь библію и новый завѣтъ, 12 мѣсяцевъ четьихъ миней, 12 прологовъ, книги славянорусскія: Димитрія Ростовскаго, Камень Вѣры, Петра Могилу, Илію Минята, Розыскъ о брынской вѣрѣ, исторію славянъ Раича, басни Досивея Обрадовича. Всѣ эти книги находились въ Еленской библіотекѣ, которая была хранима особымъ лицомъ. Попалась ему и одна греческая книга, называвшаяся хронографомъ, въ которой онъ прочелъ разсказъ о побѣдѣ Крума надъ Никифоромъ.

У Іосифа Хиландарца Неновъ имѣлъ случай видѣть извѣстныхъ впослѣдстіи своими заслугами болгарскихъ владыкъ — Неофита Бозвели и Иларіона Макаріопольскаго. Позднѣе Неновъ переписывалъ воззваніе Неофита Бозвели, и изъ Елены копіи его были разосланы и по другимъ главнымъ общинамъ Тырновской епархіи. Въ немъ говорилось, что турецкое правительство согласно дать болгарамъ своихъ владыкъ, нужно только, чтобы болгаре сами попросили его объ этомъ. Дѣло было подготовлено ранѣе, Князь Богориди, самъ родомъ изъ Котла, рекомендовалъ Неофита въ тырновскіе митрополиты. По этому дѣлу были отправлены представители отъ главнѣйшихъ общинъ, но греческій патріархъ подкупилъ ихъ и вмѣсто Неофита Бозвели былъ посланъ въ Тырново фанаріотъ Неофитъ съ грамматикомъ Костаки, извѣстный преслѣдованіемъ болгаръ.

Изъ Елены Неновъ отправился къ извѣстному тогда греческимъ образованіемъ учителю Райну Поповичу въ Карлово, но здѣсь убѣдился въ томъ, что изъ этихъ занятій мало можно извлечь пользы, такъ какъ школьное обученіе на греч. яз. доживало послѣдніе дни.

Изъ Карлова черезъ Троянъ онъ провхаль въ Свищовъ, имъя намъреніе попасть въ Валахію, а оттуда въ Россію. Въ Свищовъ Неновъ учился по гречески у Васкидовича и въ то же время познакомился съ методомъ взаимнаго обученія у одного дьякона, руководившаго такой школой. Вернувшись въ Елену, онъ былъ нанятъ учителемъ въ школу при церкви Рождества Богородицы за 500 грошей. Здѣсь Неновъ первый ввелъ новый методъ обученія, оставивъ чесословъ и псалтырь, и началъ преподаваніе по болгарскимъ учебникамъ Бозвели, Фотинова. Эта перемѣна встрѣчена была жалобами духовенства, которое опасалось, что некому будетъ читать въ церкви.

Въ 1843 г. прибылъ изъ Россіи Иванъ Момчиловъ, котораго еленская община наняла учителемъ за три тысячи грошей. Къ нему отовсюду

¹⁾ Не этому ли Іосифу, иноку хиландарскому, принадлежитъ посланіе, писанное въ Жеравну? Смотри Описаніе рукописей Григоровича (Рум. муз.) стр. 26.

стекались ученики, вмѣстѣ съ Неновымъ былъ у него и Драганъ Цанковъ, тогда еще слабый въ болгарскомъ языкѣ и просившій Ненова заниматься съ нимъ частнымъ образомъ на дому ¹).

Удовлетворившись преподаваніемъ Момчилова, Неновъ уже забылъ думать объ Россіи и, выражаясь его словами, не жалѣлъ, что не ушель въ Россію ѣсть кашу и чахнуть въ сырыхъ семинарскихъ помѣщеніяхъ, которыя многимъ болгарамъ преждевременно подкосили жизнь.

Въ 1845 г. онъ былъ приглашенъ въ Татаръ Пазарджикъ, о дѣятельности въ которомъ и разсказалъ въ книжкѣ«за възражд. на българ. въ Т. П.».

Мы потому остановились съ подробностію на пересказѣ этой главы автобіографіи, что она представляєть живую картину изъ исторіи болг. возрожденія. Мы видимъ, какъ ученіе на слав. яз. таилось въ священническихъ семьяхъ и въ монастыряхъ. Мы видимъ важную роль св. Горы, выходцы изъ которой являлись ревностными защитниками народныхъ интересовъ. Не безъ удовлетворенія мы можемъ засвидѣтельствовать, какъ велика была поддержка, оказанная болгарамъ русской литературой (разумѣемъ составъ еленской библіотеки) и русскими воспитанниками въ родѣ Момчилова. Безъ этой поддержки врядъ ли бы дѣло болгарскаго возрожденія имѣло такой быстрый успѣхъ.

Весьма интересно и дальнѣйшее содержаніе автобіографіи Ненова, напр. разсказъ о его дѣдѣ Юрданѣ, ожидавшемъ избавленія отъ агарянъ русской помощью (ще дойде ли скоро Московецътъ?), о его участіи въ качествѣ волонтера въ войскѣ Дибича, о неудавшемся первомъ возстаніи болгаръ и пр.

Далѣе Неновъ разсказываетъ объ учительствѣ въ Т. Пазарджикѣ, Панагюрищѣ, о борьбѣ съ пловдивскимъ владыкой фанаріотомъ Хрисанвомъ. Ужасное впечатлѣніе производитъ разсказъ о неистовствахъ Махмудъ бея Гаваноза въ Пазарджикѣ и о борьбѣ болгаръ съ турецкимъ насиліемъ.

Послѣднія страницы автобіографіи посвящены движенію среди болгаръ, вызванному Герцеговинскимъ возстаніемъ и русской войной за освобожденіе южныхъ славянъ.

Вмѣстѣ съ многими другими Неновъ былъ сосланъ въ Арменію, при чемъ слѣдуетъ отмѣтить гостепріимное отношеніе къ изгнанникамъ армянскаго населенія, и особенно епископа города Хажина (XIII стр. 393) а также арабской общины, представитель которой выражалъ особое сочувствіе болгарамъ, которые своимъ отдѣленіемъ отъ греческой патріархіи дали поводъ и арабамъ домогаться, чтобы въ Антіохіи вмѣсто грека былъ

¹⁾ Свѣдѣнія эти крайне интересны. Почтенный болгарскій дѣятель (Цанковъ) впослѣдствіи сталъ извѣстенъ прекрасной болгарской грамматикой, которая благодаря главнымъ образомъ латинской транскрипціи не оказала вліянія на изученіе болг. яз. въ Болгаріи самими болгарами, но за то была превосходнымъ пособіемъ для знакомства съ болгар. яз. ученыхъ. Свое научное значеніе она не утратила и до сихъ поръ.

поставленъ патріархомъ арабъ. Вполнѣ понятны взаимныя симпатіи страдающихъ отъ притѣсненія народностей.

Переживаемыя нами событія краснорѣчиво говорять, насколько печальные результаты приносить разъединеніе и антагонизмъ христіанскихъ народностей балканскаго полуострова. Неудача вызвать какое либо возстаніе въ Македоніи, которую на нашихъ глазахъ потерпѣли греки, станетъ вполнѣ понятна для всякаго, кто знакомъ съ тѣмъ нерасположеніемъ къ нимъ, какое внушала болгарамъ борьба испорченнаго фанаріотскаго духовенства противъ славянской народности и усилія нѣкоторыхъ ослѣпленныхъ преобладаніемъ эллинизма представителей греческаго народа поддержать греческое господство тамъ, гдѣ для него нѣтъ почвы.

Успѣхи болгаръ во Өракіи и Македоніи повидимому вполнѣ прочны и усилія первыхъ будителей народности не остались безплодны. Въ свое время вышеномянутый Момчиловъ говорилъ своимъ ученикамъ, отправлявшимся занять скромную должность учителя: «я радъ, что наши братья еракійскіе болгаре, подавленные удушливымъ грецизмомъ, почувствовали нужду въ болгарскихъ учителяхъ. Претензін грековъ на Өракію и Македонію велики, но безъ нихъ Болгарія не можетъ быть великой и самостоятельной. Вамъ предстоятъ великіе подвиги и труды; но вы принесете отечеству величайшую пользу, какъ первые учители и апостолы въ этомъ вплоть до Родоповъ огреченномъ углу Өракіи. Въ добрый часъ; помоги Вамъ Богъ!»

Статья Спространова Возрожденіе въ Охрид'в переносить нась въ Македонію, гдъ гораздо долье тяготьло греческое иго, чымь въ восточной Болгаріи, гдф грецизмъ пустилъ глубокіе корни и гдф борьба съ нимъ началась позднъе и шла медленнъе. Авторъ знакомитъ насъ съ возникновеніемъ училищъ, съ преподаваніемъ на болгарскомъ языкъ братьевъ Мустревыхъ, Нелчинова въ Кошишчахъ, 1) съ борьбой, какую принуждены были вести охридчане съ митрополитомъ Охридскимъ Мелетіемъ, прославившимся своей безнравственностію. Главными руководителями болгарскимъ движеніемъ являются Миладиновъ и Пырличевъ. Очень поучительна сцена, происшедшая въ патріархіи, гдф нфкоторые изъ членовъ фанаріотскаго духовенства защищали недостойнаго Мелетія (XIII т. стр. 646-647) и своей защитой вызвали окончательное отторжение охридчанъ отъ патріархіи. Въ школьномъ дёлё главнымъ виновникомъ вытёсненія греческомъ языкѣ изъ преподаванія былъ Пырличевъ, произносившій пламенныя річи за преимущества родного языкі. Помимо річей онъ д'виствовалъ и стихотвореніями, изъ которыхъ особенную извъстность пріобрели: «До кога, братя мили българи, До кога гърците ще ни тъпчжтъ Чрѣзъ своето фенерско духовенство, милото наше отечество» ? и «Чуйте чеда, македонии». Послъ отпаденія отъ патріархіи Охридъ получиль болгарскаго митрополита Наоанаила, принятаго населеніемъ съ восторгомъ;

¹⁾ Въ трудный моментъ эта школа встрѣтила поддержку русскаго консула Хитрово, который выхлопоталь для нея ежегодную субсилю въ 300 р.

но оставался и Мелетій съ отдѣлившимися отъ болгарской общины грекоманами. Не смотря на уступчивость Наванаила, они интриговали противъ него, и въ 1877 г. онъ былъ отозванъ въ Царьградъ, согласно волѣ султана.

Сюда же относятся документы, касающіеся исторіи болгарскихъ возстаній, сообщенные Генчевымъ.

Вопросамъ археологическимъ посвящена статья:

В. Добруски. Материали по археологията на България. Г-нъ Добрускій въ этой стать в продолжаетъ изследование находимыхъ при раскопкахъ плить съ изображеніями и надписями. Въ первой главъ онъ описываетъ изображенія и надписи, относящіяся къ культу нимфъ, который былъ распространенъ въ древнихъ областяхъ нынфшней Болгаріи, Мизіи и Оракіи. Изв'єстный ран'е матеріаль дополняется открытымь около села Саладинова Татаръ-Пазарджикской околіи святилищемъ нимфъ — Nymрһаеит. Судя по раскопкамъ, оно представляло обыкновенный сельскій храмъ, огражденный стѣнами и покрытый черепицами. Въ немъ найдено большое количество вотивныхъ (обётныхъ) плитокъ (95) изъ бёлаго мрамора, представляющихъ въ рельеф изображение трехъ нимфъ, большею частію простой работы. Изъ рельефовъ особенно важны тѣ, которые им вють надписи съ вракійскими именами, географическими и личными, между которыми есть нёсколько новыхъ, доселё неизвёстныхъ. Таковы напр. Μηφάζουλα, 'Ρυμησυκίς, Μουκάκενθος, Βουρδάπα—названіе м'єста, гд'є находилось святилище, откуда и эпитеть нимфъ Воорбатпуай и др. Во 2-й глав описаны плиты, представляющія рельефы оракійских всадниковъ также съ надписями. Въ третьей главъ «разные памятники и надписи» важна одна надиись, въ которой встр тились новыя географическія имена: Είτριζα, "Επριζα (быть можеть оба названія обозначають одно имя, высвченное неодинаково по ошибкв), Γειζάγρα, Βυδεχύρα. Раскопки оракійскихъ могилъ, дающихъ важный матеріалъ для ръшенія вопроса о происхожденіи Өракійцевъ и началь ихъ культуры, заслуживаютъ полнаго вниманія. При раскопк'в одной насыпи между зданіями Народнаго Собранія и Державной Печатницы были открыты основанія двухъ церквей съ полукруглыми абсидами и около нихъ и внутри ихъ целый рядъ гробницъ. Въ гробницахъ оказались костяки съ лицомъ, обращеннымъ къ востоку. Самой ценной находкой были три древнехристіанскія надписи: одна латинская: hic requiescit Florentia virgo и двъ греческихъ: "Еуда κατάκιτε Μαρία πάρθενος η "Ενθα κατάκιτε Άμμουκὶς ἀπὸ Σεληνοῦντος. Η αμписи отличаются чертами древности, изъ которыхъ самая важная это лаконическая краткость. На основаніи палеографическомъ авторъ статьи приходить къ заключенію, что открытыя гробницы относятся приблизительно къ IV-VI стол. послѣ Р. Х., и вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ надежду, что дальнейшія раскопки какъ около такъ и внутри церкви св. Софій, предстоящія по случаю предполагаемаго построенія на ея м'єст'є храма въ честь св. Александра Невскаго, могутъ дать матеріалъ для болѣе положительнаго рѣшенія вопроса не только о гробницахъ, но и о самой церкви св. Софіи, время построенія которой неизвѣстно.

Статья оканчивается изданіемъ слав. надписи Батошевскаго монастыря въ Севліевскомъ округѣ. Изъ нея видно, что монастырь этотъ былъ основанъ болгарскимъ патріархомъ въ царствованіе Михаила Асѣня (1246—1257).

Три главы изъ статьи ** Пжтуванье по долинитѣ на Струма Места и Брѣгаиница, по недосмотру не попавшія въ XII т. сборника, представляють большой интересъ для знакомства съ географіей Македоніи. Но помимо географическихъ данныхъ авторъ статьи даетъ самыя разнообразныя свѣдѣнія характера этнографическаго, описывая обычаи, костюмы, танцы мѣстнаго населенія (напр. у Мѣрваковъ стр. 351), и археологическаго, упоминая о церквахъ, живописи въ нихъ, рукописяхъ или книгахъ, уцѣлѣвшихъ по мѣстамъ, о развалинахъ церквей, укрѣпленій, башенъ и пр.; знакомитъ съ новѣйшей исторіей этихъ мѣстъ, съ судьбой въ нихъ школьнаго дѣла, съ борьбой, которую выдающіеся представители изъ болгаръ вели съ греками въ интересахъ народнаго дѣла.

- В. Кжичевъ. Новонайдени охридски старини.
- Е. Карановъ. Памятници от Кратово.

Въ наиболье слабой обработкъ являются въ сборникъ замътки, посвящаемыя древнимъ памятникамъ болгарской литературы. Авторы ихъ нерѣдко бываютъ очень мало подготовлены къ изданію рукописныхъ текстовъ, почти совершенно незнакомы съ литературой предмета, при описаніи рукописей даеть себя знать незнакомство съ многочисленными и обстоятельными трудами въ этой области русскихъ ученыхъ. Оттого подобныя статьи всего чаще дають матеріаль въ сыромъ, необработанномъ видѣ. Въ XIII т. таковы указанныя выше двѣ статьи. Авторъ первой изъ нихъ сообщаетъ свѣдѣнія о рукописяхъ, найденныхъ въ Охридѣ при осмотрѣ мѣстныхъ церквей. Нѣкоторыя изъ нихъ принесены изъ Сленченского монастыря, который, судя по всему, имель довольно хорошую библіотеку: по крайней мір у Григоровича есть цінныя рукописи и зъ этого монастыря. Между найденными рукописями заслуживаетъ вниманія пергаментная тріодь. На одномъ изъ ея листовъ есть написанное глаголицей слово: было необходимо указать, какимъ глаголическимъ письмомъ (всего въроятнъе кругловатой глаголицей) и въ какомъ мъстъ рукописи, т. е. въ строку ли, или напр. съ боку. Глаголическое слово представляетъ повтореніе стоящаго въ строкѣ кирилловскаго на гробъ. Въ приведенномъ отрывкъ есть не мало дурно прочитанныхъ мъстъ. На евангеліи изъ Слепченскаго монастыря цельій рядъ интересныхъ записей. Въ Номоканон в Слепченскаго монастыря въ глав в объ автокефальныхъ церквахъ считается такою и Охридская. Требникъ между прочимъ заключаетъ лживыя молитвы. Писанный греческими буквами помянникъ въ церкви св. Климента заключаетъ 20 именъ архіереевъ. — Изъ кратовскихъ рукописей сборникъ попа Славка изъ Велеса имфетъ статьи

апокрифическаго характера, а именно разныя молитвы, перечисленіе дней въ году, въ которые нельзя работать, колядникъ, громникъ, въ которомъ мѣсяцы начинаются съ марта, хожденіе Богородицы по мукамъ, сказаніе о св. Агапін, Троянская притча, вопросы и отвъты. Три предпоследніе тексты напечатаны. Не смотря на то, что въ отличіе отъ сербовъ болгаре сохраняютъ при печатаніи рукописныхъ текстовъ титла и значки, надстрочныя буквы и пр., что нельзя не одобрить, неръдко случается, что издатель не умфетъ правильно отделить слова. Сказаніе объ Агапіи могло бы, в'троятно, быть напечатано лучше, еслибы Г-нъ Карановъ имъть подъ руками книгу Чтеній Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1879 I, гдѣ оно издано по списку XII в. (ср. поздній тексть, напр. въ Описаніи рукописей Тройце-Сергіевой лавры). Сравнивая оба текста, можно убъдиться, что въ кратовской рукописи сохранился старый переводъ съ незначительными подновленіями въ словахъ и съ измѣненіями, а по мѣстамъ сокращеніями или добавленіями въ зависимости отъ поздняго происхожденія списка. Такъ напр. въ старшемъ текстѣ въртоградъ, въ позднемъ хльбниц8, кладазь — стоуденьць, ниже однако кланць; иногда отличіе заключается лишь въ подновленной форм в напр. вм всто гръздовизкиь прозие; стужиц вмъсто стьжицю объясняется очевидно формой стжица, въ которой вивсто глухого стоялъ ж. Вообще вся рукопись дошла до насъ въ сербскомъ правописаніи, но слёды болгарскаго оригинала замътны. На стр. 272 стр. 5 дурное чтеніе: не знаю пу(т) на река объясняется изъ старшаго текста, въ которомъ: не въмь мъста ни нарока.

Изъ сборника молитвъ апокрифическаго характера напечатана поздняя статья, заключающая сказаніе о паденіи безцѣннаго камня въ Виелеемѣ. Здѣсь интересна одна подробность: за несоблюденіе воскреснаго дня Гогъ посылаетъ иновѣрцевъ турокъ, плѣняющихъ и разоряющихъ христіанскую землю. Какъ и въ народныхъ пѣсняхъ иновѣрецъ обозначается выраженіемъ друга вера.

Далъе слъдують рукописи апостола, евангелій и др. Одинъ апостоль писанъ въ 1515 г. въ сель Трохало Кратовскаго округа безъ юсовъ, другой болгар. правописанія, житіе св. Саввы сербскаго, писанное монахомъ Акакіемъ для церкви св. Прохора Пшинскаго монастыря, и одно печатное евангеліе болг. провописанія безъ обозначенія мъста и года. Статья оканчивается краткой замъткой объ апокрифическомъ сборникъ, въ которомъ помъщены слово Менодія Патарскаго, камень адамандь, вопросы и отвъты и апокрифъ объ іерействъ Іисуса Христа, напечатанный цъликомъ.

Вопросамъ по исторіи литературы посвящены статьи:

Д-ръ Ив. Д. Шишмановъ. Пъсеньта за мъртвия брать въ поезията на балканскитъ народи.

Д-ръ Ив. Франко. *Притчата за еднорога и нейниять български вариантъ.* Статья Шишманова распадается на двѣ главы обозрѣнія литературы

предмета: изследованія Вольнера, Психари, Политиса и критика ихъ у Веселовскаго, Дестуниса, Жирара, Крумбахера, Майера и Либрехта, труды Созоновича и его критиковъ Андрича и Вольнера, оценка сказаній о мертвомъ братъ и женихъ Махала и Шайняну и библіографія, въ которой указаны варіанты албанскіе, болгарскіе, греческіе, румынскіе и македонско-румынскіе и наконецъ сербскіе. Г-нъ Франко пришелъ въ своемъ изслѣдованіи къ слѣдующимъ результатамъ: «Притча о богатыхъ возникла на славянской въроятно болгарской почвъ одновременно, а можетъ быть и ранее церковно-слав. перевода Варлаама и Іосафата, во всякомъ случать независимо отъ этого перевода. Если и допустить, что сирійскогреческая притча о единорогъ имъла вліяніе на образованіе притчи о богатыхъ, то предположение, что при составлении притчи авторъ пользовался греческимъ текстомъ ни на чемъ не основано и всего въроятнъе, что ея источникомъ было устное преданіе. Неизвъстный авторъ соединилъ восточные элементы притчи съ христіанско-еврейскими воззрѣніями, какія мы находимъ въ физіологѣ, и съ славянскими народными преданіями въ такой форм'ь, что они образуютъ если не закругленное художественное, то все же эффектное цёлое, чтобы служить цёлямъ еретической богомильской пропаганды. Какъ одно изъ немногихъ славянскихъ литературныхъ произведеній, которое не только въ заглавіи, но и въ тенденціи и основныхъ мотивахь сохранило несомнѣнные слѣды богомильства, притча заслуживаетъ полнаго вниманія. Она расширяетъ наши свъдънія относительно такъ называемыхъ болгарскихъ басенъ и болгарскихъ книгъ, указывая намъ, что кромъ произведеній попа Іереміи, не заключавшихъ значительныхь слёдовъ богомильства, помимо апокрифическихъ книгъ вообще, распространявшихся чрезъ посредство болгаръ и между другими славянами и русскими въ особенности подъ именемъ «болгарскихъ басенъ» или болгарскихъ ложныхъ книгъ, были еще и другія поучительныя литературныя произведенія съ болье или менье ясными богомильскими тенденціями, которыя относились также точно къ категоріи болгарскихъ книгъ, по преимуществу. - Распространеніе и сохраненіе этихъ произведеній въ теченіе цілыхъ віжовъ въ юго-восточномъ славянскомъ мір'в даже и тамъ, гд'в богомильство никогда не выступало явно и гдф ему не удавалось организоваться сколько нибудь самостоятельно, напр. въ Россіи свид'єтельствуетъ намъ, какъ широко разв'єтвлены и глубоки духовныя вліянія между народами и эпохами и какъ осторожно, тщательно и широко должно вести изследованія въ этой области, если желаемъ получить отъ нихъ прочные результаты».

Наконецъ намъ остается еще сказать о чрезвычайцо важныхъ статьяхъ Д-ра Л. Милетича: Нови влахо-български грамоти от Брашовъ.

Его же. Седмиградскить българи.

О существованіи влахоболгарскихъ грамоть въ Брашовскомъ архивъ не было извъстно, пока архивъ не началъ приводить въ порядокъ нынъшній архиваріусъ г. Стеннеръ. Даже проф. Богданъ самъ родомъ изъ

Брашова ничего не зналъ о нихъ. Только, когда проф. Точилеску посътилъ Брашовъ и распрашивалъ, нѣтъ ли въ архивѣ относящихся до исторіи Румыніи латинскихъ документовъ, Стеннеръ указалъ ему эти Кирилловскія грамоты, которымъ онъ не придавалъ особеннаго значенія. Что же касается иностранныхъ ученыхъ, то никто изъ слав. Филологовъ ни изъ Австріи, ни изъ другихъ земель не прівзжалъ заниматься въ архивв. А между темъ здёсь оказалось более 400 неизданныхь грамотъ, весьма цѣнныхъ для исторіи болг. яз. Проф. Милетичь издалъ 121 грамоту и подвергъ изследованію ихъ языкъ, разсмотревь фонетическія, формальныя и лексикальныя особенности напечатанныхъ имъ текстовъ. Въ другомъ своемъ трудъ Милетичь разсматриваетъ вопросъ о языкъ Седмиградскихъ болгаръ. Софійскому профессору следуетъ поставить въ заслугу, что онъ посътилъ мъста, въ которыхъ живутъ остатки седмиградскихъ болгаръ Чергедъ, Баумгартенъ и Райсдорфхенъ. Кромъ того онъ занимался въ Германштадтъ и въ архивъ и музеъ въ Пештъ. Въ Германштатдъ Милетичъ открылъ и нъмецкие оригиналы Чергедскихъ текстовъ, т е. тъ нъмецкія церковныя пъсни и молитвы, которыя были переведены на языкъ седмиградскихъ болгаръ. Кром втого въ Маломъ Чергедъ ему удалось найти еще одинъ болгарскій канціоналъ 1812 г., въ которомъ оказалось 8 новыхъ молитвъ, а также варіанты и дополненія къ напечатаннымъ Миклошичемъ. Новый канціоналъ вмѣстѣ съ нѣмецкими оригиналами, а также и всѣ другіе документы изданы въ статьѣ Г-на Милетича. Каждый N напечатанъ сначала латинскимъ шрифтомъ, какъ въ оригиналъ, затъмъ въ Кирилловской транскрипціи чтеніе предлагаемое авторомъ статьи съ нужными поясненіями и наконецъ немецкій оригиналь. Помимо того авторомь изложены и его личныя впечатленія отъ путешествія въ IV главахъ 1) въ Чергеде, 2) въ Баумгартене, 3) въ Райсдорфхенъ и 4) дополнительныя данныя изъ исторіи Чергедчанъ. Оба изданія проф. Милетича заслуживають полнаго вниманія своею важностію и несомнънными достоинствами.

Къ изслѣдованіямъ по болгарскому языку относится также статья П. Гжбюва, представляющая разборъ Тырновскаго говора.

Въ отдълъ критики заслуживаетъ вниманія статья покойнаго Д. Матова, представляющая разборъ двухъ сборниковъ: 1) Стоилова: Сборникъ отъ български народни умотворения (двъ книжки, І, заключающая бытовыя пъсни София 1894 и ІІ, содержащая пъсни изъ политической жизни) и 2) свящ. Любенова: Самовили и самодиви. Статья даетъ важныя указанія, какъ издатели такихъ сборниковъ должны относиться къ дълу, чтобы ихъ изданія приносили возможно большую пользу наукъ.

За тъмъ слъдуетъ тщательный разборъ отдъльныхъ пъсенъ съ указаніемъ на варіанты къ нимъ и на литературу предмета.

Какъ и всѣ другіе томы изданія XIII т. содержить народныя иѣсни, сказки, заговоры, матеріалы для словаря и пр.

Къ XIII тому приложены три изображенія художника Мрквички:

мужской софійскій костюмъ и два сюжета, представляющіе зданія въ Чепеларъ и Чаушовъ въ Родопахъ и 8 таблицъ къ статьъ Добрускаго.

Въ заключение прибавимъ, что лѣтомъ текущаго года вышелъ и XIV т. сборника,

II. Лавровъ.

В. Н. Златарски. Студии по българската история. Въ Периодическо Списание на Българското Книжовно Дружество въ Срѣдецъ. Подъ редакцията на В. Д. Стоянова (Очерки изъ болгарской исторіи въ Періодическомъ Изданіи Болгарскаго Литературнаго Общества въ Софіи. Подъред. В. Д. Стоянова). Годъ X, кн. LIV. Срѣдецъ. 1896.

Молодой болгарскій историкъ, воспитанникъ с.-петербургскаго университета, В. Н. Златарскій, доценть болгарской исторіи въ софійскомъ Высшемъ Училищъ, уже извъстенъ въ болгарской исторической литературѣ серьезнымъ трудомъ о письмахъ константинопольскаго патріарха Николая Мистика къ болгарскому царю Симеону. Недавно онъ напечаталъ свою небольшую, но интересную работу подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. По видимому, онъ предполагаетъ напечатать рядъ очерковъ по болгарской исторіи. На этотъ разъ онъ занимается довольно запутаннымъ вопросомъ о преемникахъ болгарскаго князя Омортага (Приемницитѣ на Омортага). Онъ такъ начинаетъ этотъ свой очеркъ: «Съ началомъ IX въка начинается новый періодъ въ болгарской исторіи; съ того времени прекращаются тъ внутреннія династическія междуусобія, та борьба народныхъ партій, которыя разрывали на части молодую Болгарію въ теченіи цёлыхъ пятидесяти лётъ, и начинается быстрый политическій подъемъ и территоріальное расширеніе болгарской державы; столкновенія болгаръ съ того времени не ограничиваются одною только Византіею, но направляются и на западный міръ, а ихъ походы и войны предпринимались не съ одною только целью грабежа, но съ целью завоеваній, въ которыхъ ясно отпечати ваются завътныя стремленія болгарских князей относительно своихъ соседей. Этимъ переворотомъ въ политике Болгарія обязана исключительно новой династіи, которая заняла болгарскій престоль въ первые годы IX в. Не смотря однако на все то, что эта династія своимъ мудрымъ 150-лътнимъ правленіемъ оставила самую лучшую память на страницахъ нашей отечественной исторіи, все-таки генеалогія ея представителей, а также и наслъдственные переходы престола въ ихъ руки являются очень неясными и запутанными, вследствіе противоречивыхъ изв'встій, которыми мы въ настоящее время располагаемъ. Родоначальникомъ этой династіи былъ Крумъ, которому наследоваль сынъ его Омортагъ, правившій страною до 831 или до 832 г.». Но является вопросъ, кто были преемники Омортага? Извъстія объ этомъ мы находимъ у продолжателя Амартола (и Льва Грамматика), Константина Багрянороднаго и у Өеофилакта архіепископа болгарскаго; эти изв'єстія и разсматриваетъ г. Златарскій «въ совм'єстномъ сопоставленіи, чтобы можно было опредівлить, насколько они взаимно оправдываются или отрицаются, и такимъ образомъ устранить ихъ видимое разнорѣчіе и установить, какъ нужно смотрѣть на каждое изъ нихъ» (стр. 759).

Разсматривая извъстіе продолжателя Георгія Амартола, г. Златарскій вивств съ професс. Гротомъ находить, что имя Владиміра въ разсказв стоитъ ошибочно, но, тоже несовсвмъ вопреки Гроту, принимаетъ, что вивсто Владиміра нужно читать Маломиръ, причемъ въ данномъ случав ссылается на архіепископа болгарскаго Өеофилакта, который «могъ пользоваться мёстными болгарскими записями, въ которыхъ были отмёчены болгарскіе князья». При этомъ г. Златарскій ссылается на сочиненія Голубинскаго «Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской» и проч. и Соколова «Изъ древней исторіи болгаръ», но не указываетъ на сочинение О. И. Успенскаго «Образование втораго болгарскаго царства», гдѣ мысль о туземныхъ источникахъ у Өеофилакта развита лучше, чемъ у другихъ. Впрочемъ, мнение о туземныхъ источникахъ у Өеофилакта давно въ обращении въ Кирилло-Меоодіевской литературѣ; у насъ эта мысль высказана, насколько мнѣ извѣстно, Савельевымъ Ростиславичемъ. Считая правдоподобнымъ мнѣніе г. Златарскаго о замѣнъ у продолжателя Амартола имени Маломира именемъ Владиміра, я думаю, что главная причина этой заміны была скоріве палеографическая, чемъ какая-либо другая. Что вмёсто Владиміра нужно видъть Маломира, подтвержденіемъ можетъ служить и греческая надпись у фонтана съ именемъ: Μαλαμήρ ὁ ἐκ θεοῦ ἄρχων (Corpus inscript. graec. t. IV, № 8691), на которую, насколько мит извтстно, впервые обратилъ внимание г. Златарскій. Отождествленіе Маломира съ Владиміромъ не противоръчитъ и историческимъ обстоятельствамъ. Маломиръ, младшій сынъ Омортага, быль современникомъ импер. Өеофила, какимъ и представляется преемникъ Омортага; это не говоритъ противъ Константина Богрянороднаго, по которому Борисъ называется сыномъ Пресіама. Довольно длинное разсужденіе о возможности употребленія греческаго языка у болгаръ въ первое времи ихъ политической жизни, я думаю, излишне; ибо это считается въ настоящее время изв'єстнымъ фактомъ, т'ємъ болье, что у насъ есть и прямое свидетельство черноризца Храбра. Что же касается титула о ех θεοῦ ἄρχων, то онъ, конечно, взять быль отъ грековъ; сами же греки называли болгарскихъ князей и царей йруши; а ек деой явилось по подражанію грекамъ вмѣсто ἐλέφ τοῦ Θεοῦ, если только это ἐх не было ошибочно прочитано вмѣсто сокращеннаго ἐλέφ. Какъ извѣстно, славяне были падки до титуловъ и болгары въ этомъ отношеніи не составляли исключенія. По соображеніямъ г. Златарскаго, Маломиръ сталь управлять Болгарією около 831 или 832 г., а управлялъ ею до 836 или 837 г. Причину, почему получиль престоль младшій сынь Омортага, онь видить въ интригѣ болгаръ, чтобы парализовать усиление славянскаго элемента въ Болгарской державъ, который при помощи христіанства въ правленіи Крума поднялся высоко, а бояре-болгары, которые составляли сплоченное и сильное сословіе въ Болгаріи, потеряли было свое значеніе; они, по мнѣнію автора, взяли Маломира въ руки и сдѣлали его орудіемъ, а первые два сына слабаго Омортага, Енравота 1) и Звиница, по проискамъ бояръ, были устранены отцомъ отъ престола за приверженность къ христіанству. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство было только поводомъ къ устраненію.

Все сказанное г. Златарскимъ было бы весьма хорошо, если бы оно было доказано. Правда только одно, что христіанство дѣлало большіе успѣхи въ Болгаріи во время преемниковъ Крума; всѣ же другія соображенія г. Златарскаго остаются далеко недоказанными. О правленіи Маломира г. Златарскій не сообщаетъ ничего новаго. Также ничего новаго онъ не сообщаетъ и объ Енравотѣ.

Преемникомъ Омортага, по мнѣнію г. Златарскаго, былъ Пресіамъ. Это свое положеніе онъ основываетъ на хронологическихъ данныхъ, — что Борисъ вступилъ на болгарскій престолъ въ 40-хъ годахъ ІХ вѣка, не раньше 843—845 г. Слѣдовательно, между Маломиромъ и Борисомъ былъ еще одинъ князь, а какой именно, г. Златарскій опредѣляетъ по Константину Багрянородному, который Пресіама считаетъ отцомъ Бориса. Өеофилактъ не отмѣчаетъ Пресіама по тому, что послѣдній неизвѣстенъ своими дѣйствіями противъ христіанъ въ Болгаріи, что очень правдоподобно. Разсуждая далѣе объ отношеніяхъ болгаръ и сербовъ, г. Златарскій предполагаетъ, что была серьезная причина ихъ столкновенія, которая намъ до сего времени остается неизвѣстной.

Ко времени правленія Пресіама г. Златарскій относить и сношенія болгаръ съ уграми, поводомъ чему послужили возстанія византійцевъ, переселенныхъ Крумомъ въ качеств пл вниковъ изъ Адріанополя на съверъ отъ Дуная. Здъсь г. Златарскій опять прибъгаетъ къ предположеніямь и перестановк имень. Онь говорить, что пленники возстали при Маломиръ, а возвратились въ отечество при Пресіамъ. Такимъ образомъ, онъ отрицаетъ походъ Михаила на Солунь, — походъ, о которомъ сообщаетъ продолжатель Амартола, на томъ основаніи, что мы ничего не знаемъ объ этомъ походъ. Виъсто похода Михаила на Солунь онъ предполагаетъ походъ Пресіама на сербовъ, и это вполнѣ соотвѣтствовало бы указаніямъ продолжателя Амартола, — что возвращеніе пленниковъ изъ-за Луная окончилось при император в Өеофиль, при которомъ Михаилъ-Борисъ еще не былъ княземъ Болгаріи. Несомнино, что сообщаемыя продолжателемъ Амартола свъдънія о возмущенім пльниковъ-византійцевъ на сѣверномъ берегу Дуная и возвращеніи ихъ оттуда не совсѣмъ ясны и едва-ли полны; но отсюда еще не следуеть, что нужно отрицать и сообщаемые тамъ факты. Изъ разсказа продолжателя ясно, что если плѣнники возвращались въ Византію не въ два пріема, то, по крайней мъръ, было нъсколько попытокъ къ возвращению. Я склоненъ, однако,

¹⁾ Въ формѣ Енравота я вижу имя (Мровота) Яровота, какъ Яромиръ, Ярославъ или какъ Янтра и Етеръ; по болгарски было бы: Еравота.

думать, что возвращение пленниковъ состоялось, по крайней мере, въ два пріема, и впервые оно началось уже въ правленіе Омортага и произошло мирнымъ путемъ, какъ отмѣчаетъ Константинъ Багрянородный. Когда болгары это заметили, они должны были принимать меры противъ этого; но въ свою очередь и пленники прибегли къ другимъ пріемамъ, способствовавшимъ ихъ возвращенію, а именно они отправили посольство въ Константинополь и воспользовались временемъ похода Михаила на Солунь. Г. Златарскій совершенно отрицаеть, главнымъ образомъ, этотъ походъ на томъ основаніи, что княженіе Михаила началось не раньше 843-845 г. и, следовательно, онъ не быль современникомъ импер. Өеофила. Но это еще не фактъ, а одно предположение, не имъющее достаточныхъ основаній. Мы еще не знаемъ, когда именно началось княженіе Михаила; оно могло начаться и въ последнихъ годахъ царствованія Өеофила, хотя Борись быль тогда еще довольно молодь. Что же касается похода Михаила на Солунь, то мы не имвемъ никакого права его отрицать, темъ более, что преемникъ Михаила, Симеонъ, также имът походъ на Солунь и чуть не въ первые годы своего правленія.

Въ концѣ своей статьи г. Златарскій представляетъ генеалогическую таблицу болгарскихъ князей отъ начала династіи Крума до Бориса: Крумъ (803—814 г.г.), Омортагъ (до 831 или 832 г.), Маломиръ (до 836 или 837 г.), Пресіамъ (до 843—845 г.) и Борисъ (до 884 или 885 г.).

Разбираемые г. Златарскимъ вопросы не новы въ литературѣ. Еще въ 1845 г. извѣстный Савельевъ-Ростиславичъ, разбирая извѣстія о болгарахъ, находимыя въ житіи тиверіопольскихъ мучениковъ, разсматривалъ этотъ вопросъ ¹). Г. Златарскій повидимому не зналъ работы г. Савельева-Ростиславовича по сему предмету, который представляетъ генеалогическую таблицу болгарскихъ царей ІХ в. слѣдующимъ образомъ: Крубошъ (809—820), Обритагъ (820—826), Маломиръ (827—830), Борисъ (830—866 и вторично до 870), Владиміръ (Пресіамъ 866—870), Симеонъ (870—927).

Bojarski, Historya Focyusza apostola syzmy (вм. schizmy) moskiewskiej, greckiej i innych wschodnich narodów, oparta na owiadectwach współczesyysh pisarzy greckich, czerpana z dziel francuskich i innych. Wydał włastym naładem (Боярскій, Исторія Фотія, апостола схизмы московской, греческой и другихъ восточныхъ народовъ, основанная на свидѣтельствахъ современныхъ греческихъ писателей, извлеченная изъ французскихъ и иныхъ сочиненій. Издана собственнымъ иждивеніемъ). Lwów, Gubrynowicz i Schmidt. 1895, 8°, стр. 441 — 2.

Я уже имѣлъ случай сказать на страницахъ «Византійскаго Временника» нѣсколько словъ о памфлетѣ на знаменитаго патріарха Фотія, составленномъ уніатскимъ священникомъ Вас. Лукачемъ. Довольно объемистая книга польскаго католическаго священника Боярскаго мало чѣмъ отли-

¹⁾ Н. В. Савельева-Ростиславича. Славянскій Сборникъ. Спб. 1845. стр. 37, гл. III: Новый источникъ для болгарской исторіи IX въка.

чается отъ книги Лукача; она также составлена почти исключительно по тенденціозной книгѣ Яжера, изданной 50-ть лѣтъ тому назадъ. О монументальномъ трудѣ Гергенрётера и другихъ серьезныхъ сочиненіяхъ о Фотіѣ г. Боярскій не имѣетъ повидимому и понятія, хотя о нихъ онъ могъ бы узнать изъ статьи проф. Эргарда (Ehrhard) въ Гердеровскомъ церковномъ словарѣ. Есть, впрочемъ, и отличія отъ книги Лукача; г. Боярскій относится съ фанатическою ненавистію къ личности патріарха Фотія, и вообще тонъ рѣчи автора крайне задорный, что совсѣмъ не идетъ священнику. Отсюда ясно, что къ книгѣ г. Боярскаго нельзя относиться даже съ самою снисходительною критикою, что, впрочемъ, отмѣтила и польская критика (См. Gazeta Kocelna 1896, № 4, стр. 38; Кwartałnik Historiczny 1897, XI, вып. II, стр. 398). О книгѣ г. Боярскаго можно говорить развѣ въ виду только того, чтобы предостерегать тѣхъ, которые желали бы познакомиться съ ней.

Vojtěch Plotěný, O apoštolátu sv. Ondřeje v Evropě a jeho smrti. Časopis katolického duchovenstva. Organ veděckého odboru Akademie Krěstěnské v Praze. Ročn. XXXVIII, 1897, svaz. IV—VII (Войтѣхъ Плотѣный, Объ апостольствѣ св. Андрея въ Европѣ и объ его смерти. Въ Журналѣ католическаго духовенства. Органъ ученаго отдѣленія Христіанской Академіи въ Прагѣ. Годъ XXXVIII, 1897, вып. IV—VI). V Praze.

Въ интересной статъъ г. Войтъха Плотънаго разсматривается вопросъ объ апостольствъ св. Андрея въ предълахъ восточной Европы и между прочимъ въ предълахъ Россіи. Онъ прежде всего обращается къ апокрифу «Дѣянія Андреевы и Матееевы въ странѣ людоѣдовъ», затымь къ такъ называемой «Исторіи страданія апостоловь», въ заглавіи которой стоить имя Авдія, епископа Вавилонскаго, и къ происшедшимъ изъ апокрифа — Епифаніевой легенд в и легенд в англосаксонской и наконецъ къ Legenda Aurea Якова де Ворагине. Далее онъ переходитъ къ патристической литературъ, гдъ находитъ сообщенія о проповъди апостола Андрея прежде всего у писателя III въка св. Ипполита, а потомъ у Оригена, цитируемаго Евсевіемъ, далье у Іоанна Златоустаго и Григорія Назіанзина, блаж. Іеронима, Өеодорита Кирскаго, Павлина Ноланскаго и Петра Хрисолога. Всв эти апокрифическія и патристическія указанія относять пропов'єдь апостола Андрея кром'є страны людо єдовь главнымъ образомъ къ Ахайъ. Послъ этого слъдуетъ рядъ указаній на апостольство св. Андрея въ предвлахъ русскихъ. Г. Плотвный приводитъ сперва извъстіе Нестора, а затъмъ указываетъ на проложный разсказъ по сообщеніямъ Кульчинскаго въ его Specimen Ecclesiae Ruthenicae, разсказъ, который приводить еп. Пелешъ въ своей Geschichte der Union der ruthenischen Kirche (I, стр. 35), но который различается отъ изданнаго мною въ Извъстіяхъ II Отдъл. Академіи Наукъ (I, 82). При этомъ авторъ говорить, что указанный Кульчинскимъ и Пелешомъ разсказъ помѣщенъ въ антологіи, разумья подъ этимъ, по всей въроятности, нашъ Анеологіонъ или Анеологій, изв'єстный у славянъ подъ названіемъ Избранной

Минеи, хотя върнъе было бы указать на Прологъ, откуда разсказъ, несомнънно, заимствованъ. Наконецъ онъ указываетъ на Степенную книгу (Kniha Stupňova), при чемъ Грузино у него названо Družena (ve vsí Družině). Покончивъ, такъ сказать, съ оригиналами, г. Плотвный обращается къ литератур вопроса, приводя мн в объ этомъ Миклошича, Крека, Шлёпера, К. Н. Бестужева-Рюмина, митроп. Макарія, Шафарика, Голубинскаго, еп. Пелеша, и больше всего останавливается на мижніи академика Байера, но, видимо, на его сторону не склоняется. Я привожу эти имена въ томъ порядкѣ, въ какомъ они приводятся въ статьѣ. Какъ видно отсюда, г. Плотвному неизвъстны труды В. Г. Васильевскаго, Малышевскаго и Сперанскаго по этому вопросу. Чтобы опровергнуть Байера, онъ обращается къ вопросу о первомъ появленіи христіанства на Руси (o prveotném zavedení křesťanství na Rusi), который онъ считаеть очень важнымъ и заслуживающимъ серьезнаго вниманія. Для р'єшенія его онъ приводить изв'ястія о св. Андре'я у патріарха Софронія (+ 637 г.), Никифора Каллиста (XIV в.), въ Менологіи Василія, Синопсисъ Доровея Тирскаго и записи римскаго бревіарія и мартирологія о смерти апостола. Опредёливъ географическія данныя, встрёчаемыя у указанныхъ сейчасъ писателей, г. Плотеный решаеть, что указанныя ими места находятся частью на Кавказъ, частію въныньшней южной Россіи, и на этомъ основаніи онъ думаеть, что св. апостоль Андрей дібиствительно жиль нібкоторое время на северномъ побережьи Чернаго моря и въ области нижняго Днъпра и съяль тамь съмя Христовой въры (na severním pobřeží Černého moře i v krajinách dolního Dněpru nějaky čas meškalí tam sime viry Kristovy rozséval).

Затъмъ авторъ переходить къ частнымъ вопросамъ, связаннымъ съ проповъдью Андрея на Руси, именно онъ указываетъ на анахронизмы въ сказаніяхъ о путешествіи апостола. Прежде всего онъ считаетъ вопреки мнѣнію митрополита Платона, а затьмъ Карамзина и Штраля (Strahl, Geschichte d. russ. Kirche. I, 37), едва-ли возможнымъ обычай водружать кресты во времена апостоловъ. Что же касается упоминанія «Степенной Книги» о томъ, что св. Андрей водрузиль въ с. Грузинъ свой епископскій жезлъ, то его можно считать позднъйшимъ, на дъйствительности неоснованнымъ, ибо о святительскихъ инсигніяхъ того времени неможетъ быть и рѣчи. Не меньшею безсмыслицею (blud) можно считать и то, что «устья днъпровскія находятся близъ Корсуня».

Но самымъ большимъ затрудненіемъ является вопросъ, откуда началось апостольское хожденіе св. Андрея (odkud sv. Ondrei svou apostolskou pout' podnikl). Легенда Епифанія, говоритъ г. Плотѣный, а за нею и Несторъ указываютъ на Синопъ, откуда апостолъ пришелъ въ Корсунь. Исполнивъ свою миссію, св. Андрей отправился въ Римъ, и отсюда возвратился въ Синопъ. Г. Плотѣный, слѣдуя мнѣнію еп. Пелеша, находитъ несообразнымъ такой кружный путь въ Старый Римъ, — путь, о которомъ ничего, говоритъ онъ, неизвѣстно изъ другихъ источниковъ. По-

этому онъ, повидимому, склоняется къ мнвнію еп. Пелеша и можно было бы сказать, и другихъ, что Несторъ здёсь разумёсть не Старый Римъ. а новый — Византію, которая стала гордиться именемъ апостола съ IV в., когла Константиномъ Великимъ этотъ городъ былъ возвышенъ и сдъланъ императорскою столицею. При всемъ этомъ г. Плотеному, какъ католику. не совсѣмъ нравится, что имя апостола связывается съ Византіею; ибо иначе пришлось бы признать утверждение епископской канедры въ Константинопол'є св. Андреемъ, но этого онъ не желаетъ признать. Впрочемъ, этотъ вопросъ онъ трактуетъ несамостоятельно, последуя мненіямъ другихъ ученыхъ и неученыхъ. «Съ этимъ извъстіемъ, говоритъ г. Плотъный, т. е. съ тъмъ, что св. Андрей быль въ Византіи, вполнъ согласуется и то, что говорится въ старомъ Аноологіонъ, — что св. Андрей до своего прихода на Русь пребываль въ Византіи и тамъ поставиль епископомъ Стахія. Это изв'єстіе въ одинаковой степени подтверждають и греческія свидътельства. Уже въ древнъйшихъ апостольскихъ установленіяхъ апокрифическихъ (v prastarých apokryfičních Konstitucich apoštolských), въ греческихъ минеяхъ и въ искаженныхъ писаніяхъ Доробея, іерея или епископа тирскаго, мы читаемъ, что св. Андрей установилъ церковь въ Византіи и посвятиль въ тамошніе епископы Стахія. Эта пов'єсть въ средніе в'єка, и главнымъ образомъ во времена патріарха Фотія, была принята какъ дъйствительный историческій факть, и тымь охотные, что, благодаря ей, высокое значеніе дареградской епископской столицы могло подняться еще выше. Изъпредшественниковъ Фотіевыхъ касается этой повъсти патріархъ Никифоръ такими словами: «Апостолъ Андрей былъ первымъ проповѣдникомъ евангелія въ Византіи, въ Аргиропол'в поставиль храмъ, въ которомъ съ усердными молитвами върующе обращались къ Богу, и посвятиль въ епископа Стахія, о которомъ упоминаетъ апостоль въ посланіи Римлянамъ». Поливе эта повъсть передается историкомъ Никифоромъ Каллистомъ: «Когда ему (Андрею) были определены по жребію земли Өракіи, Македоніи и Евксина, онъ пропов'єдоваль Христа въ Византіи. Когда же Зевзиппъ, тамошній самозванецъ, хотіль его предать смерти, онъ (апостолъ) пришелъ тогда въ Аргирополь, гдф два года училъ народъ и очень многихъ обратилъ ко Христу. Наконецъ онъ построилъ тамъ храмъ и поставилъ епископомъ Стахія и потомъ отправился въ Синопъ».

Г. Плотѣный считаетъ не только невѣрнымъ сообщеніе о Зевзипиѣ, но даже «явною ложью», выражаясь словами Баронія. Онъ ссылаетея затѣмъ на Симеона Логоеета «или Метафраста», далѣе па Георгія Кедрипа и Симеона Солунскаго, которые не упоминаютъ о Стахіѣ. Приводя послѣ этого слова объ этомъ Баронія и замѣчанія на нихъ Паджи, которые прямо говорятъ, что списокъ византійскихъ епископовъ у Никифора неполный, онъ высказывается такъ: Насколько правдоподобны догадки Паджи, опредѣлить не можемъ. Но насъ смущаетъ то обстоятельство, что до Фотія почти всѣ старыя свидѣтельства и всѣ писатели или мол-

чать объ епископѣ Стахіѣ, — при этомь онъ указываетъ на похвальное слово св. Андрею Прокла, патріарха константинопольскаго (446 — 447 г.г.), — или прямо отридаютъ апостольское происхожденіе цареградскаго епископства, чего на самомъ дѣлѣ не было бы, еслибы объ этомъ было что-либо извѣстно. На Никифоровъ списокъ полагаться нельзя, продолжаетъ г. Плотѣный. Это — мутный источникъ, такъ какъ составленъ, какъ утверждаетъ Лекіенъ, на основаніи подложныхъ писаній Лже-Дороееевыхъ. За этимъ г. Плотѣный ссылается на мнѣнія папъ Геласія, Агапита и Николая І, которые также или прямо отрицаютъ апостольское происхожденіе цареградской кафедры, или косвенно, утверждая что Византія въ то время входила въ составъ парохій ираклейскаго епископства. Наконецъ онъ указываетъ на хронографію Феофана и Пасхальную или Александрійскую хронику, по которымъ первымъ епископомъ пареградскимъ былъ Митрофанъ.

Такова аргументація г. Плотінаго по вопросу о пребываніи еп. Андрея въ Византіи и объ апостольскомъ происхожденіи этой каоедры. Слёдуетъ заметить вообще, что выводы его нередко противоречивы и весь вопросъ выходить у него скомканнымъ. При этомъ нужно указать и на то, что онъ не обратилъ должнаго вниманія на показанія хронографіи Өеофана (по изданію С. de Boor'a I, 16, 32) о константинопольских вепископах и N;κηφόρου γροογραφικόν σύντομον (Nicephori Opuscula historica, изд. C. de Boor'a, стр. 112, 114). Какъ смотръть надо на показанія хронографіи, объ этомъ уже писаль Де-Бооръ (Theophanis Chronographia, II, 512), и на это г. Плотвному следовало обратить внимание при обсуждении вопроса. Г. Плотвный не приводить также всёхъ именъ римскихъ императоровъ, персидскихъ царей и арабскихъ князей, какъ не приводитъ и именъ всъхъ константинопольскихъ патріарховъ; но отсюда совстив не следуетъ, что вст непоименованныя у него лица не существовали. (Ср. у С. de Boor'a II, стр. 510). Къ тому же изследователь пользуется не новыми изданіями цитуемыхъ имъ сочиненій.

Въ послъдней части своей студіи г. Плотъный разсуждаетъ о мъстъ и времени смерти ап. Андрея и о способъ его мученій.

П. Сырку.

3. Новыя книги, поступившія въ Редакцію.

Иванъ Евсѣевъ. Книга Пророка Иліи въ древне-славянскомъ переводѣ. Въ двухъ частяхъ. С.-Петербургъ. 1897. Цѣна 2 р. 50 к.

- И. Е. Тимошенко. Литературные первоисточники и прототипы трехъсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1897.
- Д. Ө. Кобеко. Опытъ исправленія текста бесѣды о святыняхъ Царяграда. С.-Петербургъ. 1897. Отд. отт. изъ Извѣстій Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. II (1897), кн. 3.